

Способна ли казахстанская социология выйти за рамки провинциальной эмпирики?

Гуревич Леонид Яковлевич

доктор исторических наук, профессор социологии

l_gurevich@bisam.kz

Уместны ли амбиции?

Казахстанское общество обрело сегодня ясные стратегические ориентиры – вхождение страны в число наиболее конкурентоспособных государств, а в обозримом будущем, в группу развитых стран. В рамках этих целей нашли свое место и такие задачи, как достижение высокой конкурентоспособности образования и науки Казахстана, выход их на мировой уровень.

Однако обращает на себя внимание, что в формирующихся механизмах реализации этих задач общественные науки, особенно – социология, играют, в лучшем случае, роль «групп поддержки» или, иными словами «болельщиков», пусть часто даже и фанатов. Отечественные обществоведы, широко пропагандируя новые стратегические ориентиры Казахстана в современном мире, как то не стремятся экстраполировать их на собственные научные дисциплины.

Может быть, такая, в значительной степени, неосознанная, спонтанная позиция, естественна? Обратимся к истории казахстанской социологии на фоне общей истории науки Казахстана. В течение всех советских лет казахстанская наука была периферией, провинцией науки всесоюзной. Прорыв за провинциальные рамки, к «общесоюзному значению» удавался в некоторые периоды и в некоторой степени лишь казахстанским геологам, химикам, металлургам, биологам (да простится мне дилетантство, если я не назвал какую либо еще достойную упоминания научную отрасль). Среди обществоведов смогли заявить о себе на союзном уровне, пожалуй, только казахстанские философы в 70-ые годы прошлого века.

После крушения СССР советское обществознание в целом с точки зрения интеграции в мировое научное сообщество оказалось в существенно худшем положении, чем естественные науки. Последние не были жестко отгорожены от мирового научного прогресса идеологическими рамками, и проблемы, с которыми они столкнулись, лежали, преимущественно, в институциональной, финансовой и кадровой плоскости. У общественных наук к этим проблемам присоединились факторы содержательной, теоретико-методологической несовместимости с мировым научным развитием. И советские обществоведы, что называется – «без боя», с каким-то малопонятным мазохизмом, игнорируя собственные бесспорные научные достижения, поставили себя в позицию аутсайдеров и подражателей.

Но и на этом фоне особым оказалось положение социологии. Вспомним, что социология с конца 20-х по конец 50-х годов XX века находилась в СССР под фактическим запретом. Затем она была легализована

в ограниченном статусе, как исключительно прикладная наука, некий эмпирический довесок к историческому материализму и научному коммунизму.

С другой стороны, возрождавшаяся в Советском Союзе прикладная социология, отстав от мирового прогресса социологической науки на 30 лет, причем лет исключительно плодотворных, вынуждена была полностью заимствовать с Запада категориальный и инструментальный аппарат.

Таким образом, молодая советская социология оказалась таким странным гибридом – наполовину падчерицей марксизма-ленинизма, наполовину бастардом западной социологической науки. Не забудем также, что вплоть до конца 80-х годов прошлого века социология в СССР не была должным образом институционализована, не имела своей ниши в системе научной аттестации.

Советские социологи были лишены права на теоретические обобщения, монополия на которые принадлежала исключительно «трем составным частям» марксизма. Вместе с тем, они не могли в полный голос заявить о себе в мировом социологическом научном сообществе, с которым вынуждены были говорить не на совсем понятном ему языке.

Социология в Казахстане развивалась в 60-е – 80-е годы XX века фрагментарно и исключительно в рамках «базовых» общественных наук. В отличие не только от России, Украины и Белоруссии, но и от прибалтийских республик, Грузии, Армении и Молдавии, в Казахстане, вплоть до последних советских лет, не было ни специализированных социологических научных учреждений, ни кафедр социологии. Все это обусловило тот факт, что в постсоветскую эпоху казахстанская социология вошла как наука не просто «местного значения», а как наука, которой надо было еще утвердить себя «хотя бы» на местном уровне. На пороге Независимости в «стартовом составе» казахстанских социологов был лишь один ученый, если не международной, то, по крайней мере, союзной значимости. Это – Н.А. Аитов, находившийся в плеяде тех, кто возродил социологию в СССР, и чьи работы имели объектом не только локальную эмпирику.

За годы Независимости казахстанская социология приобрела некоторые институциональные формы, появились, и быстро выросли в числе обладатели социологических ученых степеней, возникли научные школы (правда, опять же, сугубо местного значения). Ассоциация социологов Казахстана является, безусловно, наиболее активной и эффективной среди других профессиональных и отраслевых объединений обществоведов Казахстана. Скоро отпразднует свое десятилетие Казахстанская ассоциация профессиональных исследователей общественного мнения и рынка (КАПИОР), объединившая профессиональные компании, действующие в индустрии маркетинговых и прикладных социологических исследований. По масштабам и оборотам этой индустрии Казахстан занял третье место в СНГ после России и Украины, существенно опередив все другие государства Содружества.

И тем не менее, будем откровенны сами с собой: ни одна казахстанская социологическая научная школа, ни один казахстанский социолог не заявили о себе идеями и разработками, которые не то что бы оставили след в мировой социологии, но хотя бы, вызвали живой интерес в постсоветском научном сообществе. (Оставим, в данном случае, в покое пресловутые индексы цитирования, импакт-факторы и отзывы на авторефераты диссертаций).

Конечно, констатируя подобную ситуацию, можно найти сильные «успокаивающие» факторы. Например, то, что и наш бывший «старший брат» - Россия отнюдь не стала за последние 20 лет не то что «великой социологической державой», но хотя бы международно признанной «развитой страной» по уровню развития теоретической и прикладной социологии. Или то, что в социологии, в большей степени, чем в любой другой общественной науке, доминирует «европоцентризм» или, точнее, «западоцентризм». В этих условиях российский, а, тем более, казахстанский социолог, вышедший с, по-настоящему, свежей, оригинальной научной мыслью, просто не будет услышан, ибо он не представляет продвинутый научный бренд.

Однако, неизбежная, заведомая локализация национальной науки также бывает разной. Посмотрим, как это выглядит сегодня в отношении казахстанской социологии.

На разработку новых макросоциологических теорий казахстанские ученые, естественно, не претендуют. Однако и существующих теорий они не просто не касаются. Они к ним не притрагиваются, ограничиваясь почтительным поклоном в их сторону. (Прошу извинения за изложение в третьем лице. Все сентенции относительно казахстанских социологов в полной мере отношу и к себе.)

Многолетнее пребывание в диссертационных советах дает мне основание описать типичную структуру докторской диссертации. Как правило, обширный параграф, а то и целая глава посвящается наиболее известным, уместным относительно темы диссертации западным социологическим теориям. При этом – никакой авторской критики, никакого анализа актуальности и применимости в контексте объекта исследования. Любые попытки членов совета прояснить роль описываемой и цитируемой классики в методологическом и инструментальном аспектах диссертационного исследования, чаще всего, ставят соискателя в тупик. Подобный подход выплескивается и на страницы монографий, как правило, связанных с диссертациями.

Большинство научных трудов казахстанских социологов - это описание ситуации с привлечением документальных, статистических и литературных источников вкупе с традиционными методами сбора первичной информации. В лучшем случае – это попытка научно-информационного обеспечения экономических и политических стратегий. Какого либо вклада в теорию, методологию, инструментарий собственно социологической науки такого рода труды, практически, не содержат.

Таким образом, казахстанская социология – это сегодня наука с доминированием обслуживающей функции, ориентированная на сугубо внутренние нужды. Мировой социологии она, пока что, может предложить лишь иллюстративный материал. И, самое главное, казахстанская социология смирилась с подобным своим статусом и, в значительной мере, замкнулась в нем.

Может ли быть иначе? Ведь сегодня в спорах о судьбе и предназначении не только казахстанской социологии, но и всей отечественной науки, очень весомо выглядят аргументы, согласно которым развитие «большой» науки – это удел лишь нескольких стран, а остальным суждена лишь «малая» наука, выполняющая в мировом научном взаимодействии адаптирующие и транслирующие функции и поставляющая «мировому научному центру» эмпирический материал.

Рискну утверждать, что при всей силе подобной аргументации, у казахстанской социологии появился уникальный шанс вырваться из рамок провинциальной эмпирики, для начала, хотя бы «высунуться» из этих рамок. Этот шанс обусловлен уникальным стечением внутренних и внешних обстоятельств, уникальным пересечением внутренних и внешних предпосылок.

Реален ли шанс?

Суть внутренних предпосылок состоит в том, что в Казахстане начата реализация государственной политики, ставящей целью вывести отечественную науку с обочины на магистраль мирового прогресса.

Рассмотрим теперь предпосылки внешние. В последние два десятилетия стало исключительно популярным провозглашать наступление кризиса той или иной сферы материальной и интеллектуальной деятельности. Это вполне отражает апокалиптическую направленность массового сознания в современном мире.

Можно спорить, насколько обоснованы мрачные оценки и пугающие прогнозы относительно различных сфер человеческой жизнедеятельности. Однако, на мой взгляд, общественные науки в сегодняшнем мире действительно достигли некоей важнейшей вехи. И находятся они не на распутье, а в точке растерянности и бессилия. Бессилие экономической науки в полной мере продемонстрировал прошедший (или идущий - ?) глобальный экономический кризис. Бессилие политологии, социологии, социальной психологии ярко демонстрирует их неспособность дать внятные объяснения и прогнозы череде событий в арабских странах. Даже вечно приходящая на выручку конспирология здесь не помогает.

В начале XIX века Огюст Конт обещал доказать, что «существуют законы развития общества столь же определенные, как и законы падения камня». На протяжении последующих двух столетий обществоведы, а социологи – в особенности, имели возможность убедиться, что социальная реальность – слишком сложный объект для изучения имеющимися методами математики и естественных наук. Однако сегодня, в начале XXI века, мы

продолжаем упорно добиваться цели, сформулированной Контом. И, если уж мы никак не можем вырваться из плена «социальной физики», то надо, хотя бы, осознать, что для социальных наук уместно создавать не механику, а, по меньшей мере, квантовую теорию. Но, пока что, в мировом общественном сознании не то, что Эйнштейна, а настоящего Ньютона не было. Тем не менее, выполняя негласный, но достаточно явный мировой государственно-общественный заказ, общественные науки в целом, экономика и социология в особенности, тратят большую часть сил на поиск формализованных показателей для оценок и прогнозов. В этой гонке обществоведы наконец-то получили свой «приз». Этот приз - эйфория рейтингов, место в которых иногда становится стратегической целью государств. Хотя совершенно очевидна методологическая уязвимость в построении любого из ныне существующих рейтингов.

А как же с действительной общественной значимостью социальных наук, с ростом их реальной общественной полезности? Рискну высказать свое мнение на этот счет. В известной иерархии уровней научного познания «наблюдение – описание – анализ – систематизация – обобщение – прогнозирование – открытие законов – создание теорий» общественные науки в целом, социология в частности, в достаточной мере освоили лишь уровни наблюдения и описания. В анализе, систематизации и обобщении они все еще далеки от уровня, достигнутого естественными науками. В прогнозировании они способны давать относительно надежную продукцию лишь в узких (отраслевых и региональных) рамках и в краткосрочные периоды. На двух высших уровнях они, пока что, беспомощны. К сегодняшнему дню общественные науки не дали ни одного точного глобального долгосрочного прогноза, не открыли ни одного макросоциологического закона неотвратимого действия, не создали ни одной макротеории, выдержавшей проверку исторической практикой.

Общественные науки продолжают подтверждать многолетние обвинения в свой адрес, согласно которым субъективизм в них не просто имеет место, как в любых других науках, но является определяющим. Причем, если в естественных науках это, главным образом, субъективизм исследователя, то в общественных науках – субъективизм заказчика.

Научное исследование, будь то в естественных, будь в социальных дисциплинах, в подавляющем большинстве случаев имеет заказчика или спонсора. Однако в фундаментальных естественных науках – это заказ на базу для последующих исследований и результатов, в прикладных естественных науках – на конкретный продукт. В социальных науках это, по большей части, заказ на удовлетворение ожиданий, на подтверждение представлений, на обоснование планируемых действий заказчика.

Наряду с кризисом теоретико-методологическим в общественных науках все более настойчиво заявляет о себе кризис инструментальный. Нагляднее всего это видно как раз в прикладной социологии.

Экономическое и политическое поведение людей все чаще отличается от картин, которые рисуют массовые опросы. Становится ясно, что

современные методы изучения общественного мнения не способны в полной мере, с полной адекватностью отразить то, что действительно думают и что намерены предпринять люди. Более того, люди сами не всегда знают и понимают свои взгляды, настроения, действия. Сегодня окончательно ниспровергнут с пьедестала основополагающий постулат социологической классики: человек есть сознающий себя и целенаправленно действующий субъект. В изучении общественного мнения нам надо понять человека лучше, чем он сам себя понимает. Вместо этого мы заставляем его быть поверхностным экспертом по отношению к самому себе.

Конечно, современная социология ищет и иногда находит комбинации количественных и качественных методик, с помощью которых исследователям удается установить сложное факторное взаимодействие в экономическом, политическом и бытовом поведении людей. Беда, однако, в том, что современное общество дает заказ лишь на самые простые, понятные массе и «бьющие цифрой» методы социологических исследований.

И, тем не менее, расписаться в бессилии современное обществознание в целом, социология в особенности, не может. Хотя бы в силу жестоких рыночных законов сегодняшнего мира. Поэтому в социологии, (а дальше я буду говорить только о социологии) начата невиданная тотальная теоретико-методологическая ревизия. Она сопровождается беспрецедентной критикой универсализма и европоцентризма социологических теорий. Именно такая ревизия создает тот уникальный внешний фактор, благодаря которому, подталкиваемая уже описанными факторами внутренними, казахстанская социология может вырваться из рамок провинциализма, локальной и функциональной ограниченности.

Наши ниши

Начнем с поиска конкурентных ниш.

Было бы, конечно, глупо, если бы казахстанские социологи, на фоне дряхления теоретических «священных коров», с молодым задором ринулись создавать собственные социологические теории, закрепив соответствующие темы за научными коллективами и «выбив» под это дело государственный заказ. Такой сценарий, между прочим, возможен, но его реализация приведет к еще большей локализации отечественной социологии, или, иными словами, к замене тихого провинциализма воинствующей местечковостью. Как это случалось многократно в истории и теории, начнется моделирование «своего особого пути», который в очередной раз окажется путем в тупик.

Для начала нам надо понять: мировая социология не страдает сегодня от дефицита теорий. Проблема – в ограниченности материала, на котором эти теории создаются. Поэтому, практически все претендовавшие на глобальность и универсальность макросоциологические теории, на поверку оказывались локальными.

По большому счету, этот тезис – отнюдь не открытие. Идеи марксизма, созданные для Запада, превратились в злую карикатуру на самих себя, будучи реализованы на Востоке. Религиозно-культурная иерархия народов по

их восприятию капитализма, построенная Вебером, не выдержала испытания реальностью даже на сравнительно коротком историческом промежутке. Отнюдь не сегодня начата и получила веские практические подтверждения критика фундаментальных теорий Дюркгейма и Парсонса. Однако именно сегодня попытки, с одной стороны, отказаться от теоретического универсализма в социологии, а с другой стороны – наполнить этот универсализм новым содержанием, возвести под него более широкую базу, стали парадигмой научно-социологических исканий.

С известной долей схематизма позволю себе констатировать: до не давнего времени мировая социология развивалась, преимущественно, по вертикали, путем, если не полного, то частичного отрицания прежних теорий (классика – неклассика – постнеклассика). Ныне, как никогда прежде, пробивают себе дорогу горизонтальные тренды. В мировом социологическом сообществе настойчиво заговорили о «мультимодернизме» как следующем после постмодернизма шаге. Особенно сильно это проявилось на последнем Всемирном социологическом конгрессе в Гетеборге.

Новая парадигма развития социологической науки делает в высокой степени востребованными ряд направлений, на которых могут активно себя проявить национальные школы теоретической и прикладной социологии.

Первое такое направление – это проверка на местном материале адекватности социологических теорий и инструментов. Здесь важное условие – не ограничиваться очередным выявлением «национальных особенностей», а задаваться вопросом – насколько эти особенности «национальны», не типизируют ли они более широкий ареал. Отсюда пойдет переход ко второму, в какой-то степени «обратному» направлению, которое можно характеризовать как определение глобальной или ареальной значимости локальных явлений. И, наконец, третье, объединяющее направление. Это – систематические страновые и региональные сравнения. Все выше сказанное касается задач развития науки. Но и каждый ученый, думая о преодолении локальной замкнутости казахстанской социологии, должен ставить себе задачи, а точнее задаваться вопросами. Например, такими:

- Не следует ли данную социологическую аксиому вновь превратить в теорему, требующую доказательств на изучаемом мной материале?
- Если сделанные мною выводы действительно для моей страны, то для каких еще стран/ареалов/регионов они актуальны?
- Вносят ли мои выводы хотя бы маленькие коррективы в сложившиеся научные представления?

В исследованиях наших ученых, особенно в диссертациях, надо, в конце концов, отойти от типичного подхода: «отписались» от Гидденса и Бурдье, теперь займемся казахстанским материалом. Труды мэтров мировой социологии мы должны научиться не боготворить, а использовать и, при должном накоплении аргументов, опровергать.

Казахстанские социологи вполне могут инициировать и темы, объекты для изучения в контексте обогащения и критики социологических теорий. К примеру, мы много говорим об уникальной модели межэтнических отношений в Казахстане. Эта модель, будучи результатом государственной политики вкупе с особой исторически сложившейся социокультурной средой, вызывает законный интерес за пределами нашей страны. Однако речь, как правило, идет об изучении опыта, а не о более глубоком научном проникновении в суть явления, с выходом на социологическую типизацию. Очевидно, имеют особый смысл обидные для многих отечественных ученых слова Президента Н.А. Назарбаева, сказанные на последней Ассамблее народов Казахстана, о том, что в Казахстане по существу нет специалистов в области межнациональных отношений.

Другая проблема, в которой Казахстан и другие страны СНГ могли бы дать ценнейший материал для создания и корректировки макросоциологических теорий – проблема неформальных политических и деловых отношений.

Неэффективность многих постсоветских реформ, в том числе прошедших и идущих в Казахстане, связана с тем, что реформы осуществляются в прямом соответствии с термином – изменяется форма. А желаемый результат не достигается, поскольку процессы в данной сфере определяются не тем что реформировано, а тем, что, находясь в неформальной сфере, никаким реформам, естественно, не подвергалось.

Обществоведы различных дисциплин исследуют такие проявления неформальных отношений, как теневая экономика, коррупция, блат и т.д. Однако неформальные отношения – это не только уголовщина, а в советских и постсоветских обществах – это даже не девиация. Не будучи, в силу своей массовости, отклонением, они и правилом считаться не могут. И в казахстанской, и в постсоветской, и в мировой социологии неформальные отношения как общесоциальный механизм, имеющий тот или иной уровень региональной и страновой типизации – это огромная научная целина.

Безусловно, прорыв в мировую теоретическую социологию требует институционального, финансового, кадрового, коммуникационного, даже – маркетингового обеспечения. Но начинать надо с преобразования собственного профессионального чувства. Социологи должны внести свой вклад в преодоление казахстанским научным и общественным сознанием пресловутого комплекса «младшего брата».

Материалы Конгресса Ассоциации социологов Казахстана, 2012 г.